

Книги вразнос. Что у нас переводят. И как

[270]
ил 9/2019

Экспресс-рецензии Даши Сиротинской

Дэвид Фостер Уоллес
Бесконечная шутка / Перевод
с английского Сергея Карпо-
ва и Алексея Поляринова —
М.: АСТ, 2018

Ура! Так и хочется воскликнуть “ура”, когда открываешь и начинаешь читать эту книгу — написанную еще в 1996 году и успешную за это время заслужить всемирное, пусть и не всеобщее, признание, но на русский переведенную совсем недавно. Это “ура” связано в первую очередь с авторским языком и тем, как он воспроизведен по-русски: как же редко удается “напасть” на сложный, ироничный, пульсирующий текст, в котором к тому же практически у всех персонажей есть речевые характеристики — настоящие и продуманные, а не созданные посредством механического ввода в реплики словечек из словарных категорий “простореч.”, “груб.”, “сленг” и т. д. Над “Бесконечной шуткой” переводчики действительно работали, подбирая каждое слово и вписывая его не только в мимолетную “ситуацию употребления”, но и в контекст. Может быть, и нелепо оценивать с этой точки зрения произведение постмодернистское, для которого язык

априори является одним из главных героев, — и все-таки субъективно, по-читательски, не порадоваться нельзя. А между тем “Бесконечная шутка” — книга и впрямь настолько зубодробительно постмодернистская, что, вполне может стать, на этом восхищение (или, во всяком случае, энтузиазм) легко может кончиться. Читать сложно, и не только из-за нескольких сюжетных линий, каждая из которых уже сама по себе способна порядком отпугнуть: наркоманы — раз, политика — два, спорт — три, и (вздых облегчения) история семьи — четыре. В конце концов, перед нами тематически пестрая, остросоциальная пародийная книжка: чего еще ждать? Нет, дело еще запутаннее: сложности возникнут даже на уровне обращения с текстом. Помните “Игру в классики”? Вот над “Бесконечной шуткой” придется еще больше попытаться. Придется вчитываться в бесконечные сноски, и в сноски на сноски, и в сноски на сноски на сноски, и при этом быть благодарным автору за то, что он так стремится сохранить целостность повествования, что половину этого самого повествования выносит за скобки. Чего ради, спросите вы? Разумеется, ра-

ди самой игры: вспомним старое-доброе постмодернистское прошлое и подставим носы под всемогущую руку водящего. Ну или хотя бы ради наслаждения русским языком — может, изредка немного неуклюжим, — но зато неподдельно живым.

ХАРУКИ МУРАКАМИ
Убийство Командора / Перевод с японского Андрея Замилова — М.: Эксмо, 2019

Как правило, читатели делятся на два типа: тех, кто является ярким поклонником Мураками и не пропускает ни одной его книжки, и тех, кто не видит Мураками в упор. Такая полярированность — всегда признак значимости явления, не важно — отрицательной или положительной. Пожалуй, “Убийство Командора” — тот самый текст, который поможет нам понять, в чем тут дело. Сюжет романа вроде бы несложен, но разобратся в нем “с полпинка” получится далеко не у всякого. Молодой художник переселяется в дом на вершине горы, где раньше жил художник старый; устав от жизни гоголевского Чарткова “после падения”, он желает писать картины в абстрактной манере и подпадает под влияние полотна своего предшественника; картины здесь формируют реальность, влияют на отношения героя с людьми и, в конечном счете, вокруг одной из них закручивается интрига прямо-таки детективная. Пожалуй, все это даже увлекательно — но на эпопею в двух томах тянет вряд ли. Это медитативное, тя-

гучее (а если сказать точнее — затянутое) повествование в хорошем, ровном переводе Андрея Замилова на какое-то время может создать у вас иллюзию, что вы читаете интеллектуальную литературу. Опять-таки, кому-то вспомнится “Степной волк” с его галлюциногенной меланхолией, а кому-то — чарующая атмосфера уединения в “Море, море” Айрис Мердок. Звучит неплохо, не так ли? Только стоит ли за этой “интеллектуальностью” что-нибудь действительно “умное”? Разумеется, когда мы читаем о живописи (тем более абстрактной), об “искорках тепла в холодных глазах” героини, о хорошо одетых молчаливых женщинах, о таинственном незнакомце “без лица”, о подернутых дымкой пустынных пейзажах и об “изначально обреченных” ледяных свиданиях в мотелях на берегу моря — мы готовы поверить, что все это наверняка страшно умно. Может быть, если на этой мысли и остановиться, не будет привкуса фальши и обидного “ну и что?”. А остановиться на полпути так и тянет.

МЕИР ШАЛЕВ *Мой дикий сад* / Перевод с иврита Рафаила Нудельмана и Аллы Фурман — М.: Текст, 2018

Сердце такой поклонницы “Уолдена”, каковой являюсь я, конечно же, не могло не забиться чаще, когда я взяла в руки “Мой дикий сад” Меира Шалева и прочла аннотацию. Аннотация эта сулит настоящий праздник тому, кто питает пристрастие к бессюжет-

ным, медитативным текстам о взаимоотношениях человека и природы; подобные тексты даже толком не назовешь художественными — настолько они в хорошем смысле безыскусны. В основном содержание книги действительно сводится к рассказам о том, как главный герой выращивает у себя в саду то такие, то эдакие растения — это не поза, не рекламный ход и даже не развернутая метафора человеческого бытия (ну, почти), а замысел книги как он есть. Как было сказано у Вуди Аллена, “мир листьев — лучший из миров”. Наблюдение за природой становится отправной точкой для размышлений обо всем на свете: о мировой истории, о случайных прохожих, о собственном прошлом, о характерах людей, с которыми сводила жизнь. При этом природа остается в этом потоке мыслей главной: автор действительно умеет подмечать мельчайшие детали этого “параллельного” для многих из нас мира, описывать его и толковать, не ударяясь в средневековый символизм. Эта легкость, свобода от всяческого писательского тщеславия — вывихнуть образ, поразить фразой — перешла в русский текст, сообщила ему ритм спокойного, здорового дыхания. Вы можете читать главы в любом порядке и в конце концов, если не отложите книгу в сторону после первых же десяти страниц, несомненно, ощутите во всем теле божественный жар просветления. С обновленной ненавистью поглядите на окружающие вас каменные джунгли, купите цветастых бумажных конвертиков с се-

менами и отправитесь промышлять кроп.

Словом, казалось бы, все замечательно. Но я недаром упомянула “Уолден”, ведь книга Меира Шалева не просто его напоминает: она является его точной копией и по задумке, и по форме. Современной, безусловно: с куда более выраженным экологическим пафосом, например, или куда менее изысканным юмором; плюс к тому — отчетливый еврейский колорит, для вдумчивого читателя, разумеется, отрадней: всегда приятно читать текст, пронизанный любовью к родной земле, а уж по нынешним космополитическим временам — тем более. И все же перед нами произведение столь отчетливо вторичное, что это даже забавно: эдакая реинкарнация спустя без малого двести лет, даже на главы книжка разделена по тому же принципу и названия этих глав практически неотличимы от тех, уолденских. На мой взгляд, сам факт появления такой книги наводит на довольно любопытные размышления. С одной стороны (более чем резонный вопрос) — зачем писать книгу, которая уже была написана до тебя? С другой — можно ли говорить о копировании, когда речь идет о такой интимной области человеческой жизни, как внутренний диалог с природой, неповторимый по своей сути? Наконец, собственно литературным произведением или какой-то закономерной частью существования отдельного человека может явиться подобный текст? То ли такая книга абсолютно бессмысленна, то ли, напротив, — перед нами

высшая форма литературы, освобожденная от маскарадных погрешностей вроде сюжета, персонажей, композиции — и даже постмодернистского “значимого отсутствия” всего этого, — и когда-нибудь в буду-

щем к таким вот книгам-молитвам — имеющим значение только для тех, кто их создал, — все и сведется. Но я, похоже, вошла в научно-фантастический раж и начала сочинять какую-то утопию. Или антиутопию?